

Р. А. Насибуллин

**УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА РОССИИ
К КОНСТИТУЦИОННОМУ ГОСУДАРСТВУ
В ТРУДАХ РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ГОСУДАРСТВОВЕДОВ**

Современная российская конституция 1993 г. не только весьма схожа с Основными законами Российской империи от 23 апреля 1906 г., но и содержит заимствования норм западных конституций. В этих условиях идеи конституционного (правового) государства, учение об условиях перехода России к конституционному государству русских дореволюционных государствоведов приобрели особую значимость. После издания Основных государственных законов 23 апреля 1906 г., закрепивших в России самодержавно-представительную монархию, с установлением свободы печати и научных исследований в соответствии с делением русской политической мысли на западников и славянофилов, русских ученых, которые изучали государственное право России и зарубежных государств, можно разделить на два направления: 1) либерально-космополитическое и 2) консервативно-национальное. Либерально-космополитическое направление значительно преобладало над консервативно-национальным.

Сторонники *либерально-космополитического направления*, являясь западниками¹, признавали культурное превосходство Запада над Россией, отсутствие существенных отличий России от Западной Европы, единство исторического процесса и неизбежность перехода России к конституционному государству, в котором государственная власть юридически ограничена и подчинена высшему основному закону — конституции, где учреждается народное представительство, участвующее в осуществлении законодательной власти, признаются права граждан в качестве правового предела для осуществления государственной власти, закрепляется принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Они считали, что при преобразовании государственного строя данной страны следует руководствоваться прежде всего опытом других передовых европейских народов, а затем уже учитывать прошлое данного государства и народа.

Наилучшей формой правления, по мнению либералов, является парламентаризм в форме парламентарной монархии или республики. Под парламентаризмом понималась такая форма правления, в которой исполнительная власть осуществлялась ответственным перед народным представительством (при двухпалатной системе — от нижней палаты) правительством, замещаемым лицами, пользующимися доверием большинства парламента и остающимися у власти лишь до тех пор, пока пользуются этим доверием. Министры назначаются главой государства из лиц, принадлежащих к той политической партии, которая имеет большинство в нижней палате парламента. Правительство образуется и действует под руководством лидеров партии и проводит в своей деятельности определенную программу. В случае потери поддержки большинства в нижней палате парламента правительство в полной своем составе (*in corpore*) выходит в отставку.

Единственным исследованием об условиях перехода к конституционному государству являлась первая русская монография по конституционному праву зарубежных государств «О народном представительстве» (1866), принадлежащая Б. Н. Чичерину. Не дав прямого ответа на вопрос о готовности России к представительному правлению, Б. Н. Чичерин фактически обосновывал неизбежность перехода России к конституционному правлению. «Основная мысль моего сочинения, — вспоминал Б. Н. Чичерин, — заключалась в том, что теоретически конституционная монархия — лучший из всех образцов правления, что к представительному порядку стремится всякий образованный народ, но он требует условий, которые не везде налицо. Исследование этих условий составляло, по моему мнению, пробел в самой европейской литературе, посвященной этому предмету, и я хотел его восполнить, имея главным образом в виду состояние русского общества, но не делая прямых приложений, а обсуждая вопросы с общей точки зрения и предоставляя читателю самому выводить заключения. Между тем многие приняли меня вообще за противника представительных учреждений»². На основании своего исследования Б. Н. Чичерин пришел к выводу, что в России 1860-х гг. нет еще нужных условий для перехода к конституционному строю, но открыто это не признал. В начале XX в. он уже считал самодержавную монархию преградой на пути дальнейшего развития России³.

В работе Б. Н. Чичерина «О народном представительстве» нашли выражение основные положения либерально-космополитического направления. Как один из основателей государственной (юридической) школы в русской историографии Б. Н. Чичерин считал, что движущей силой русской истории является монархия⁴. Б. Н. Чичерин отмечал известные неблагоприятные для конституционного строя России условия: «Громадность государства, скудность народонаселения, однообразие условий,

земледельческий быт, трудность сношений с Европой и доступность азиатским ордам, — все это в высшей степени затрудняло как внутреннее объединение народа, так и развитие в нем самостоятельности. Восполнить эти недостатки могла только крепкая власть, которая, стоя на вершине, давала единство государству и направляла общественные силы, возбуждая их к деятельности, нередко даже насильственными мерами⁵.

Для представительного правления требуется способность народа к политической свободе. «Те великие достоинства, которые сделали Россию одною из первенствующих европейских держав, несокрушимое терпение, безропотное перенесение всевозможных лишений и тяжестей, готовность всем жертвовать для царя и отечества — прямо противоположны духу личной свободы»⁶. Кроме того, русский народ отличается недостатком личной энергии и инициативы, беспечностью, легкомыслием, привычкой во всяком общественном деле полагаться на правительство, бесконечной рознью, склонностью к крайностям. «Дарования русского народа не подлежат спору; без них он не мог бы, среди европейских держав, играть всемирно-историческую роль. Но доселе его история и его свойства доказывали в нем способность создать крепкое государственное тело, с единою властью во главе, а не умение пользоваться свободой»⁷.

Б. Н. Чичерин в своем сочинении пытался доказать, что конституционная монархия — наилучшая форма правления и что переход к конституционной системе неизбежен. Он утверждал, что с изменением жизни изменяется и форма правления. В обширных государствах новые технические изобретения — железные дороги и телеграф — облегчают управление, сближают людей, способствуют развитию общения между ними, способствуют распространению общих понятий и объединению людей. «Все это неизбежно ведет к развитию свободы, а в конечном результате к представительным учреждениям. Все новые европейские народы (читай: и русский. — *Р. Н.*), рано или поздно, силою вещей, должны к этому придти, ибо это естественно вытекает из хода жизни, из развития условий, на которых зиждется свобода. Вопрос состоит единственно во времени»⁸. Национальный характер, говорил Б. Н. Чичерин, в соответствии с новыми потребностями может развиваться. «Из народного характера нельзя вывести безусловного заключения о возможности или невозможности представительного порядка в государстве... Если в учреждениях отражаются народные свойства, то, наоборот, самые свойства испытывают на себе влияние учреждений. Новые потребности и обстоятельства вызывают наружу черты, которые прежде не могли развиваться»⁹. Инициатива и самостоятельность граждан развиваются в промышленности, юридической сфере, в администрации.

Необходимым условием перехода к представительному правлению является уничтожение сословных привилегий, установление равенства

всех граждан перед законом. Отмену сословных привилегий вполне может осуществить и самодержавие. Для перехода к конституционной монархии необходимо развитие богатства и образования, развитие средних слоев общества, которые более всего заинтересованы в политической свободе. Рост материального благосостояния, зажиточности, распространение единого образования, рост могущества средних слоев населения приводят к общности политических взглядов и требований общества, которое в общественной деятельности, в сфере промышленности, образования, суда, местного самоуправления приобретает привычку к совместной деятельности. Серьезное движение к конституционному правлению «начинается только тогда, когда требования свободы глубже проникают в общество и политическая мысль охватывает средние классы. А эта пора, рано или поздно, непременно настает для всякого народа, развивающегося и материально, и умственно... Представительное устройство является, таким образом, естественным последствием самого хода вещей, физического и умственного развития общества»¹⁰.

Подготовкой к представительному правлению является развитие свободной печати, политической литературы в обществе, развитие местного самоуправления. «Пора представительного устройства наступает только тогда, когда общество доказало свою способность участием в подчиненных сферах государственной жизни. Первая общественная потребность состоит в хорошем суде, без которого невозможно ни ограждение лиц и собственности, ни установление законного порядка, необходимого условия политической свободы... Хорошо организованный суд можно считать одним из признаков общественной зрелости... Еще более способность народа к самоуправлению может выразиться в местных представительных учреждениях, которые имеют значительную аналогию с центральными и служат школою для последних»¹¹. «Общество вправе стремиться к участию в верховной власти, когда оно оказывается способнее правительства заведовать общими делами, или, по крайней мере, когда эта способность так значительна, что может доставить власти существенное подкрепление. Поэтому если предъявляется требование политических прав, то надобно прежде всего спросить: где те государственные люди, юристы, администраторы, экономисты, финансисты, которых общество может выставить из среды себя?»¹².

Настойчивые требования со стороны образованного общества представительных учреждений сами по себе служат в известной степени ручательством того, что общественная политическая мысль достаточно созрела. «Самое требование политической свободы отчасти служит уже признаком зрелости общественного мнения. Желание участвовать в управлении государственными делами показывает, что политический интерес в обществе сильно возбужден. Чем более оно распространено,

тем очевиднее, что мысль окрепла. Поэтому, когда требование высказывается со всех сторон, единодушно и настойчиво, во всяком случае выгоднее уступить, нежели идти наперекор всем образованным классам народа»¹³.

Б. Н. Чичерин правильно отмечал, что ученые книги по государственоведению дают общественной мысли теоретические основы и общее направление, но для формирования общественного мнения в пользу представительного правления необходима печать, или, как выражался Чичерин, журнализм. «Серьезные книги вообще не читаются массой; добытые ими результаты нужно разменять на мелкую монету, чтобы сделать их доступными огромному большинству людей. Это — одна из задач журнализма. Он распространяет политическую мысль в краткой и общепонятной форме посредством непрерывного повторения, что всего сильнее действует на обыкновенные умы»¹⁴. Окрепшее общественное мнение, требующее народного представительства, всегда пробьет себе дорогу. «Нравственным напором она действует на правительство, которое не в состоянии долго противостоять настойчивым требованиям общества»¹⁵.

Рост либеральных элементов, по Б. Н. Чичерину, неизбежно приводит в конечном итоге к ограничению верховной власти. «Здесь надобно соображаться не с историческими началами, не с отвлеченными понятиями о свойствах известной народности, а с действительными, существующими в данное время условиями и потребностями. История не определяет заранее степени развития, которую может получить в позднейшую эпоху тот или другой жизненный элемент, а потому нововведение может сделаться необходимым, несмотря на то, что прежде не было ничего подобного. При этом, разумеется, надобно помириться с недостатками, присущими всякому нововведению, и не требовать от новых учреждений качеств, могущих принадлежать только старым»¹⁶.

Теория народного представительства, по мнению Б. Н. Чичерина, должна быть основана на опыте стран, совершивших переход к конституционному государству. «Коль скоро новое политическое устройство вводится посредством систематического законодательства, невозможно обойтись без теории и без подражания учреждениям других государств. Конечно, в этом заключается опасность: могут сочиняться теоретические и подражательные конституции, неприложимые к данным условиям быта, а потому лишенные всяких залогов прочности и успеха... Но все это ошибки, которых возможно избежать; во всяком деле надобно поступать рассудительно. Здравая теория, основанная на указаниях всемирного опыта, не собьет законодателя с толку»¹⁷.

При преобразовании исторически сложившегося государственного строя данной страны следует руководствоваться прежде всего опытом

передовых народов, а затем уже учитывать собственное прошлое. «Иностранные учреждения служат одним из существенных элементов такой практической проверки; это — чужой опыт, который дает драгоценные указания. При всем различии характеров, истории и общественного быта народов, сходные учреждения имеют более или менее одинаковые свойства. Коренные начала политической жизни у всех одни и те же, ибо природа человека и общества везде одна; различие состоит только в большем или меньшем преобладании того или другого элемента... Свойства и деятельность представительных собраний, отношения их к правительству если не всегда и везде одинаковы, то везде, рано или поздно, приобретают общие черты, лежащие в самой их природе. Чем многообразнее данные, выработанные практикой, тем, разумеется, вернее будут выводы, и чем юнее народ в политической жизни, чем менее он может руководствоваться собственным опытом, тем нужнее для него опыт других... Исследуя чужие учреждения, необходимо разобрать, что в них существенно, что вытекает из самой природы данного политического устройства и что является произведением временных или местных обстоятельств. Из этого уже можно вынести заключение о том, что приложимо и что неприложимо к другому общественному быту. Из всего этого следует, что безусловно отрицать новые конституции во имя исторических начал невозможно. Новые учреждения не имеют такой крепости, как старые; они подвержены большим колебаниям и опасностям, но, тем не менее, они могут отвечать истинным нуждам народа и заключать в себе все залогом прочности. При введении конституционного порядка существенный вопрос состоит не столько в исторических данных, сколько в настоящих условиях жизни... История, без сомнения, служит весьма важным указанием, ибо в ней проявляются и свойства народа, и отношения в нем различных общественных сил. Однако это мерило не безусловное, ибо народ, развиваясь, приобретает новые качества, и отношения сил в нем изменяются. Поэтому определить отношение конституционного порядка к общественным условиям можно только на основании более широких соображений, извлеченных из исторического опыта различных времен и народов и приложенных к данному случаю»¹⁸.

Видный либеральный государствовед Н. И. Лазаревский соглашался, что конституция несовместима с исконными началами данного государства. Но, возражал он, такие утверждения были и в других европейских странах, которые тем не менее благополучно перешли к конституционному строю. Наконец, «переход к конституции нигде, кроме Англии, не был исторической закономерною эволюциею существующих учреждений, этот переход был всюду переворотом революционным, ломавшим основы существующего строя. Даже и там, где он произошел с внешней стороны вполне мирно и где конституция была формально добровольно

дарована («октроирована») монархом, как, напр., в Италии, Португалии, Пруссии, Саксонии, Бадене, Японии и др.»¹⁹.

Сторонники *консервативно-национального направления* — профессора государственного права Петербургского, Варшавского, Московского, Харьковского университетов — соответственно Николай Михайлович Коркунов (1853—1904), Александр Львович Блок (1852—1909; отец поэта А. А. Блока), Николай Николаевич Зверев (1850—1917), Николай Осипович Куплеваский (1847 — после 1917) и др. — считали, что «государственный строй есть органическая часть народной жизни, уходящая своими корнями в глубину веков. Каков народный быт, такова и форма правления»²⁰, и не существует идеальной формы правления. Всякая форма правления имеет свои достоинства и недостатки. Идеальная форма правления невозможна, так как человек несовершенен, склонен злоупотреблять свободой выбора. Государственные учреждения не способны изменить сложную природу человека, улучшить человека. Политическая свобода, т. е. участие граждан в государственной власти, не может изменить человека к лучшему. Эта свобода лишь раскроет человека со всеми его достоинствами и недостатками, приведет не только к хорошему, но и к дурному.

Совершенное правовое государство, построенное на абсолютном господстве права, невозможно, так как право является относительной, а не абсолютной ценностью. Право создается человеческим обществом, является продуктом исторического развития, поэтому несет на себе печать ограниченности и несовершенства. Законы представляют собой несовершенный компромисс интересов различных социальных групп, ибо создаются грешными людьми в яростной борьбе. При этом закон, сочиненный правящим классом для простых людей, может стать средством их утеснения. Он провоцирует грех, обиду и преступление. По мнению консерваторов, право без власти и людей есть ничто, важны не столько законы, сколько люди. Еще Н. М. Карамзин отмечал, что именем закона в России правит бюрократия. «В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит, и любовь первых приобретается страхом последних. Не бояться государя (читай: президента. — *Р. Н.*) — не бояться и закона!»²¹. В России должны править не абстрактные законы, а люди, укорененные в русской православной культурной традиции. Необходимо личное нравственное самосовершенствование на основе православия. Без любви, без нравственного совершенствования людей, говорил Ф. М. Достоевский, не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений. Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может²².

Каждому народу присуща своя, самобытная форма правления, которая вырабатывается органическим путем с учетом различных факторов: природно-климатических, географических, размера территории, численности населения, наличия или отсутствия внешней угрозы, этнического и религиозного состава населения, особенностей национального характера государственнообразующего народа. Об этом подробно писал консервативный публицист Николай Иванович Черняев (1853—1910)²³. Следовательно, формы правления не подлежат свободному выбору народов. Они не могут быть организованы по заранее намеченному плану: они «не создаются, а сами возникают». Самодержавная монархия в России — это не отсталый по сравнению с Западной Европой государственный строй, а непохожий, вызванный историческими особенностями России. Русский народ самостоятельно выработал эту органичную для него форму правления.

Консервативные юристы упрекали либеральных государствоведов в несамостоятельности и подражательности западной юридической науке, в недостаточном учете русских особенностей. Н. А. Захаров отмечал: «Господствовавшее в среде русского общества сознание своих особенностей неизвестно и чуждо нашим юристам... Как с кафедры, так и в литературе мы все время слышим о правовом строе Запада и весьма мало — об общих началах нашего государственного строя»²⁴. «Вся наша юридическая наука по преимуществу, — продолжал он, — стремилась уложить нормы нашего строя в рамки теории... и не желала скроить перчатку юридических концепций по русской руке»²⁵. Необходимо, чтобы «русские учения в таких восприятиях проанализировали теоретические учения иностранного юриста, делающего свой вклад в мировую науку, с точки зрения жизни, условий и применимости к государству, величайшему на земном шаре»²⁶. В высказанных упреках в адрес либеральных юристов было, к сожалению, много верного.

Самодержавно-бюрократический строй в начале XX в. был неприемлем и для творческих представителей национально-консервативного направления, которые выступали за законосовещательное народное представительство в России, мнение которого при обсуждении законопроекта носило бы для императора рекомендательный характер. Еще в 1870-х гг. Н. Я. Данилевский писал о роли народного представительства в России: «Народ... не придавал бы избранным иного смысла и значения, как подчиненных слуг Царских, исполнителей Его воли, а не ограничивателей ее»²⁷. Основой такого подхода было монархическое правосознание крестьянского большинства населения России (80 %), которое и в 1917 г. не представляло себе другой формы правления, кроме самодержавной.

Л. А. Тихомиров в работе «Самодержавие и народное представительство» (1907) считал необходимым совмещение царского самодержавия и

народного представительства, подчеркивал нежелательность бюрократического самодержавия без народного представительства, при котором власть царя узурпируется бюрократией, категорически выступал и против развития парламентаризма, при котором от имени народа узурпируют власть профессиональные партийные политики²⁸. Как известно, новые Основные государственные законы Российской империи, опубликованные 23 апреля 1906 г., учредили законодательное, а не совещательное двухпалатное народное представительство, состоящее из Государственной думы и Государственного совета. Консервативные государствоведы Николай Алексеевич Захаров (1883—после 1917), Петр Евгеньевич Казанский (1866—1947), Николай Осипович Куплеваский (1847—после 1917), Лев Александрович Тихомиров (1852—1923) подчеркивали подчиненный по отношению к верховной императорской власти характер народного представительства.

Консерваторы понимали, что только сильное государство способно обеспечить права граждан: «Индивидуальная свобода невозможна там, где нет гарантии внешней и внутренней безопасности. Западная концепция индивидуальной свободы и сильно ограниченного правительства предполагает очень сильное государство; настолько сильное, что это не замечается и как бы само собою разумеется. Для России обеспечение внешней безопасности из-за ее геополитического положения и внутренней целостности, из-за разноплеменного населения, находящегося к тому же на различных ступенях общественного развития, всегда было задачей более сложной и более трудной, чем у любого западно-европейского народа. Поэтому в русской истории так значительна роль государства. Узкие рамки индивидуальной свободы в России начала XX в. были обусловлены слабостью государства: оно плохо выполняло свои функции, не гарантируя ни прав личности, ни ее ответственности. В России, следовательно, путь к индивидуальной свободе европейского типа лежал, как и на Западе, через дальнейшее усиление государства»²⁹. Государство должно прежде всего обеспечить внешнюю безопасность страны и элементарный порядок внутри ее — два первейших условия нормальной жизни народа.

В начале XX в. Российское государство из-за разгула революционно-го террора без введения исключительного (чрезвычайного) положения почти на всей территории империи оказалось неспособным этот минимум обеспечить. П. А. Столыпин объединил в своем лице ключевые посты премьер-министра и министра внутренних дел. Фактически в стране была установлена полудиктатура премьера, поддерживаемого монархом.

В мае 1916 г. на вопрос председателя Государственной думы М. В. Родзянко: «Скажите... что Вам недостает в России», — представитель французского Правительства министр-социалист(!) А. Тома отвечал:

«Нам недостает сильной центральной Русской власти, так как... Россия должна быть морально очень крепкой, чтобы переносить в критические минуты, которые мы сейчас переживаем, то состояние тихой анархии, которое царит в Вашей стране и прямо бросается в глаза»³⁰. Слабость правительственной власти привела к предложению начальника штаба генерала М. В. Алексеева о сосредоточении военной и гражданской власти в руках диктатора, которым должен был быть военный. Этот вопрос обсуждался на заседании Совета министров, в ставке 27 и 28 июня 1916 г., но принять решительные меры Николай II не решился³¹. Недостаточную решительность Николая II в декабре 1905 г. точно определил ведущий идеолог монархизма в России Лев Александрович Тихомиров: «Царь одинаково не может ни уступать, ни сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель»³².

Непосредственной причиной падения монархии в России в феврале 1917 г. явилась невозможность установления национальной диктатуры правящим слоем в условиях Первой мировой войны, слабость царской власти, утрата царем и правящей бюрократией в значительной мере способности к власти, способности приказывать. «Не найдя в себе силы на диктатуру, страна получила анархию и тиранию. Революция стала преступлением»³³.

Либеральная интеллигенция проповедовала, что самодержавие как форма правления исторически себя изжило, обречено в России на исчезновение (как это было в странах Запада) и что по какому-то неумолимому закону истории российское общество после 1905 г. перейдет от самодержавия к конституционной монархии, где власть получают образованные представители имущих классов, а затем, в процессе постепенной демократизации, власть станет властью всего народа. Один из лидеров кадетской партии Василий Алексеевич Маклаков (1869—1957) вспоминал в эмиграции: «Трезвая оценка различных сторон конституции заменилась нерассуждающей мистической верой в нее. Никто не имел возможности спокойно обсуждать ее дурные и хорошие стороны, ставить вопрос о ее пригодности для России»³⁴.

Основной причиной изменения самодержавно-бюрократического строя России в 1905—1907 гг. и падения самодержавно-представительной монархии в 1917 г. явилось то, что монархия утратила легитимность, перестала соответствовать настроениям большинства российской интеллигенции, исповедовавшей либеральные или социалистические взгляды, а консервативно-национальная интеллигенция, которая выступала за самодержавие с законосовещательным народным представительством, была явно в меньшинстве. Действительно, Николай II решился на принятие Манифеста 17 октября 1905 г. только под давлением общественного мнения, формируемого преимущественно либеральной

интеллигенцией. Через два дня после издания манифеста император Николай II в письме к матери в Данию отметил, что этот манифест фактически является конституцией, что «во всей России только об этом и кричали, и писали, и просили... Единственное утешение — это надежда, что такова воля Божия, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в каком она находится почти год»³⁵.

Большинство российской интеллигенции к концу XIX в. не было удовлетворено существующим самодержавно-бюрократическим строем, а после 1906 г. и самодержавно-представительным строем. Эти слои перестали поддерживать монархию, ряды ее убежденных сторонников таяли, в конце концов в феврале 1917 г. даже командующие фронтами перестали выполнять приказы монарха, хотя они и считали, что участвуют в спасении династии и монархии.

Борьбу за власть ведет имущее и образованное меньшинство, а народные массы, занятые физическим трудом, не стремящиеся к политической власти и свободе, не разбирающиеся в сложных вопросах внутренней и внешней политики, могут служить лишь орудием для этой борьбы. Консервативные монархисты считали, что народные массы — крестьяне, рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, — с их общинной психологией, занятые физическим трудом, испытывающие хроническую нужду, были политически крайне неразвиты и не стремились к политической свободе и конституционному государству. Крестьянин мечтал о даровом наделении его чужой землей, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта. При таком настроении невежественных народных масс предоставление им политических прав, введение всеобщего избирательного права приведет к тому, что они передадут власть социалистическим интеллигентским партиям, которые пообещают им наибольшее материальное благополучие независимо от степени осуществимости этих обещаний и способов их осуществления. В 1917 г. именно так и произошло. От имени невежественного народа мандат на власть реально могли получить две социалистические партии — эсеров или большевиков, руководящее положение в которых занимала второсортная деклассированная интеллигенция очень разных национальностей.

Б. Н. Чичерин отмечал, что радикальные партии ищут опоры в массах. Но по своей природе массы вовсе не склонны принимать живое участие в политической жизни, когда не затрагиваются непосредственно их интересы. Только сильно распространенное неудовольствие или искусственное возбуждение страстей делает их орудием радикализма. Демократы-радикалы постоянно твердят о воле народной, но эта воля редко их поддерживает. Главной опорой радикализма являются низшие слои средних классов, которые, не имея состояния, недовольны своим положением, а между тем достаточно образованны, чтобы стремиться к переменам.

В промышленно развитых странах к ним примыкает и пролетариат. Пролетариат составляет армию, без которой радикализм всегда остается ничтожным³⁶. Образование без собственности возбуждает в человеке недовольство существующим общественным устройством, в котором нелегко проложить себе дорогу. Образование возвышает требования к жизни при недостатке средств к их осуществлению. Поэтому в этих кругах самая благоприятная почва для радикализма³⁷.

Это наблюдение Б. Н. Чичерина в дальнейшем многократно подтверждалось. После Октябрьской революции 1917 г. правящая коммунистическая партия объявила об установлении диктатуры пролетариата. Выдающийся русский философ права, государствовед, один из ведущих идеологов евразийства Николай Николаевич Алексеев (1879—1964) писал: «Однако в советском государстве фактически вовсе не властвует рабочий класс, а деклассированная интеллигенция очень разнообразного национального состава, объявившая себя хранительницей интересов пролетариата. Эгоистическая и себялюбивая диктатура такой интеллигенции еще хуже, чем диктатура класса, ибо она вырождается в диктатуру наихудшей бюрократии»³⁸.

Революции 1905 и 1917 гг., как справедливо отмечал консервативный мыслитель Иван Лукьянович Солоневич (1891—1953)³⁹, сделала главным образом «второсортная русская интеллигенция». «Именно второсортная, — подчеркивал он. Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских первого сорта при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни — революции не хотел и революции не делал. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с университетских кафедр вдальбивала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти что безымянных профессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с мавзолеем Ильича не стоит памятник неизвестному профессору!»⁴⁰.

«Опыт советского режима за последние пятьдесят лет (1917—1967) показал, что нет никаких оснований ни для аналогий с западными монархиями, ни для веры в то, что самодержавие в России устарело, поскольку самодержавие сохранилось вопреки революции. Сам факт, что после 1917 года страной многие годы почти самовластно правили три человека, совершенно разные по характерам и биографиям (Ленин, Сталин, Хрущев. — *Р. Н.*), просто подтверждает мнение, что есть глубокие причины того, почему политический контроль одного человека легко устанавливается и сохраняется в России», — отмечал видный русский историк, про-

фессор Оксфордского университета Георгий Михайлович Катков (1903—1985)⁴¹. Геополитические, природно-климатические, этнические, психологические предпосылки предопределяют существование в России сильной авторитарной власти. Очевидно, что и современная Россия по объективным причинам фактически является самодержавным, авторитарным государством с сильной властью президента «всяя Руси».

Российская интеллигенция, будучи немногочисленным и привилегированным слоем, не имела не только опыта государственного управления, но и достаточного опыта социального зла, живя в великой мировой державе под охраной сильной самодержавной монархии: «Утопия гражданских и политических прав, будто бы возможных только без самодержавия, захватила умы, не имевшие достаточного опыта социального зла»⁴²; «Люди, живущие в безопасности, привыкают думать, что безопасность есть дело даровое, как воздух, и держится сама собою. Ценить ее начинают они по мере того, как чувствуют ее утрату»⁴³. Этот опыт и прозрение либеральная интеллигенция приобрела дорогой ценой в период революции, гражданской войны, большевистского тоталитаризма, эмиграции.

В качестве примера можно указать влияние революции на судьбы русских государствоведов. Федор Федорович Кокошкин (1871—1918) был убит красногвардейцами в январе 1918 г., профессор Николай Иванович Лазаревский (1868—1921) был расстрелян Петроградской ЧК в августе 1921 г. за якобы контрреволюционный заговор. В конце 1930-х гг. были расстреляны профессор Николай Васильевич Устрялов (1890—1937), Николай Иванович Палиенко (1869—1937), Сергей Андреевич Котляревский (1873—1939). Эдуард Эдуардович Понтович (1886—1941) умер в лагере в Магадане в 1941 г.⁴⁴ В результате тягот гражданской войны преждевременно умерли от болезней и лишений профессор Владимир Матвеевич Гессен (1868—1920), Богдан Александрович Кистяковский (1868—1920), Моисей Яковлевич Острогорский (1854—1919), Лев Адамирович Шалланд (1868—1919). Покончил жизнь самоубийством профессор Вениамин Михайлович Хвостов (1868—1920).

В эмиграции оказались многие представители русской науки государственного права: Николай Николаевич Алексеев (1879—1964), Александр Львович Байков (1874—1943), Александр Александрович Башмаков (1858—1943), Марк Веньяминович Вишняк (1883—1977), Павел Павлович Гронский (1882—1937), Кирилл Иосифович Зайцев (1882—1975), Иван Александрович Ильин (1884—1954), Сергей Александрович Корф (1876—1924), Макс Я. Лазерсон (1887—1951), Владимир Дмитриевич Набоков (1870—1922), Павел Иванович Новгородцев (1866—1924), Борис Эммануилович Нольде (1876—1948), Александр Александрович Пилленко (1873—1956), Константин Николаевич Соколов (1882—1927),

Евгений Васильевич Спекторский (1875—1951), Федор Васильевич Тарановский (1875—1936), Оттон Оттонович Эйхельман (1854—?), Александр Семенович Яценко (1877—1934), философ права Борис Павлович Вышеславцев (1877—1953), философ и социолог права Георгий Давидович Гурвич (1894—1965), Петр Бернгардович Струве (1870—1944) и др. Все перечисленные ученые, кроме А. А. Башмакова и О. О. Эйхельмана, являлись либералами. О послереволюционных судьбах многих русских государствоведов вообще нет точных сведений.

Под влиянием крушения традиционной российской государственности некоторые представители либеральной интеллигенции перешли на национально-консервативные позиции. Воистину, «чтобы стать консерватором, надо пережить революцию»⁴⁵. П. И. Новгородцев в эмиграции признавал: «Когда мы читаем “Дух законов” Монтескье или “Общественный договор” Руссо, “Метафизические основные начала учения о праве” Канта или “Философию права” Гегеля, то ни в одном из этих классических проявлений западной философско-правовой мысли мы не найдем... русского мировоззрения»⁴⁶.

П. И. Новгородцев отмечал, что в среде либеральной русской интеллигенции «долго партийное чувство преобладало над национальным. Ведь так недалеко мы от того времени, когда ни одна из прогрессивных партий не решалась назвать себя русской национальной партией, когда такое наименование считалось предосудительным и постыдным. Я не говорю уже о партиях социалистических и интернационалистических, для которых национальное есть пережиток прошлого, и те партии, которые считали себя государственными и сверхклассовыми, ставили себе как раз в заслугу, что они не национальны, а сверхнациональны, что на равных правах они включают в свой состав представителей всех народностей, живущих в России, а потому и стоят выше национальных особенностей и разделений. Казалось единственно правильным и прогрессивным, чтобы в политических партиях люди соединялись отвлеченными узами либерализма и гуманизма, началами равенства и свободы, принципами демократии и правового государства. И не приходило в голову, что, помимо таких отвлеченных принципов, все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно — преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своем это и есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, единству и общению не толь-

ко формально — юридическому, но и духовному. Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве»⁴⁷.

По справедливому мнению современного конституционалиста профессора В. В. Маклакова, «достаточно большое разнообразие существующих форм правления говорит об отсутствии какого-либо идеального решения, какого-либо стандарта. Если бы такой стандарт существовал, то страны, в которых давно существует демократический режим, унифицировали бы свои формы правления. Этого, однако, не происходит. Видимо, для каждой страны подходит какая-либо собственная модель. Эти модели могут быть объединены в несколько более общих групп (государства-республики, государства-монархии в различных их формах). В то же время каждая парламентская или президентская республика, каждая монархия, по внешним признакам похожие друг на друга, в конкретных странах отличаются друг от друга. Юридически закрепленная форма правления в каждой стране имеет в качестве основы глубинные причины — правовые традиции, особое историческое развитие, своеобразные внутренние особенности и потребности. Очевидно также, что при конституировании новых государств (т. е. при принятии конституций) безусловное значение имеет и расстановка политических сил в стране и в представительных (учредительных органах). В результате их столкновения или в результате сотрудничества и компромисса всякий раз зарождается конкретная форма правления, имеющая уникальный набор индивидуальных черт»⁴⁸.

¹ См.: *Алексеев Н. Н.* Русское западничество // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.

² Цит. по: *Секиринский С. С.* Борис Николаевич Чичерин // Российские либералы: Сб. статей / Под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М., 2001. С. 97.

³ См.: *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998. С. 609.

⁴ *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 525, 562, 563.

⁵ Там же. С. 585—586.

⁶ Там же. С. 604.

⁷ Там же. С. 607.

⁸ Там же. С. 586—587.

⁹ Там же. С. 607.

- ¹⁰ Там же. С. 643.
- ¹¹ *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 667—668.
- ¹² Там же. С. 670—671.
- ¹³ Там же. С. 662.
- ¹⁴ Там же. С. 656.
- ¹⁵ Там же. С. 665.
- ¹⁶ Там же. С. 792—793.
- ¹⁷ Там же. С. 795.
- ¹⁸ Там же. С. 795—798.
- ¹⁹ *Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. 3-е изд. Т. 1. СПб., 1913. С. 83.
- ²⁰ *Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора. Репринт. изд. М., 1999. С. 30.
- ²¹ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 102; см. также: *Филарет (Дроздов), митр.* О государстве. 2-е изд. Тверь, 1992. С. 12—13.
- ²² Собрание мыслей Достоевского / Сост. и авт. предисл. М. А. Фырнин. М., 2003. С. 281—282.
- ²³ См.: *Черняев Н. И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998.
- ²⁴ *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти: Юрид. исслед. Новочеркасск, 1912. С. 6.
- ²⁵ Там же. С. 5—6.
- ²⁶ Там же. С. 6.
- ²⁷ Цит. по: *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского Императора (репринт издания 1913 г.). М., 1999. С. 331.
- ²⁸ См.: *Тихомиров Л. А.* Самодержавие и народное представительство // Тихомиров Л. А. Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 135—142.
- ²⁹ *Бородин А. П.* П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 60.
- ³⁰ *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне (репринт парижского издания 1939 г.). М., 2001. С. 254—255.
- ³¹ Там же.
- ³² *Мельгунов С. П.* Легенда и сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 565.

- ³³ *Кольев А. Н.* Нация и государство: Теория консервативной реконструкции. М., 2005. С. 523; См. подробнее: *Насибуллин Р. А.* Февральская революция 1917 года в России в исследовании Г. М. Каткова // Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Сб. науч. ст. по материалам регион. науч. семинара (Екатеринбург, 2 марта 2007 г.). Екатеринбург, 2007. С. 50—52.
- ³⁴ Цит. по : *Леонтович В. В.* История либерализма в России, 1762—1914. М., 1995. С. 365.
- ³⁵ Цит. по: *Смыкалин А. С.* Этапы конституционного строительства в дореволюционной России // Государство и право. 2004. № 3. С. 79—80; см. также: *Боханов А. Н.* От самодержавной к самодержавно-парламентской монархии // Россия в начале XX века / Под ред. академика А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 436.
- ³⁶ См.: *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве... С. 695.
- ³⁷ См.: Там же. С. 16—17.
- ³⁸ *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 345.
- ³⁹ *Иван Лукьянович Солоневич* родился в семье белорусского крестьянина. Поступил на юридический факультет Петроградского университета, но из-за Февральской революции его не окончил, был учеником выдающегося юриста Л. И. Петражицкого и экономиста М. И. Туган-Барановского, работал журналистом в умеренно-консервативной газете «Новое время». Спортсмен-борец, друг Ивана Поддубного. Этот интерес к спорту позволил ему работать инструктором в советских профсоюзах. Вследствие неудачного побега за границу был заключен в Соловецкий и Свирский лагеря, бежал с братом в Финляндию в 1934 г. Опубликовал знаменитую книгу «Россия в концлагере», принесшую автору мировую славу. Основатель и лидер эмигрантского консервативного «штабс-капитанского движения». Издавал газеты «Голос России» (Болгария), «Наша газета» (Германия), «Наша страна» (Аргентина). Автор книг «Народная монархия», «Белая империя», в которых он выступал как имперский консерватор.
- ⁴⁰ *Солоневич И.* Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Наша страна, XX век. М., 2001. С. 222 (цит. по: *Брачев В. С.* Масоны у власти. М., 2006. С. 628).
- ⁴¹ *Катков Г. М.* Февральская революция / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2006. С. 448.
- ⁴² *Кольев А. Н.* Нация и государство... С. 520.
- ⁴³ *Катков М. Н.* Имперское слово. М., 2002. С. 318.
- ⁴⁴ *Кудинов О. А.* Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918—1940-е гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права): Монография. М., 2006. С. 33—38.
- ⁴⁵ *Ципко А.* Хуже бывает: После «размышлений» о Февральской революции 1917 года // Лит. газ. 2007. № 17—18. С. 4.
- ⁴⁶ *Новгородцев П. И.* О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П. И. Соч. М., 1995. С. 376—377.
- ⁴⁷ Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Там же. С. 437—438.

⁴⁸ *Маклаков В. В.* Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. М., 2006. С. 424—425.